

5. «Конвергенция» и антиавторитарный социализм

Как и в XIX в., доминировавшее «западническое» и «почвенническое» направления не исчерпывали идейно-политической палитры общества. Авторитарная система, основанная на идеологии государственного коммунизма, не удовлетворяла многих мыслителей, но не все искали идеал на Западе или в прошлом России. Идейный крах официальной коммунистической доктрины не означал для них краха социализма — оптимального общества, которого еще не было. Утопия? Но когда-то утопией (местом, которого нет) были и президентская республика, и конституционная монархия, и «социальное государство», в котором ныне живут миллионы людей. Социалистическая часть интеллектуальной элиты хорошо усвоила критику

западного и дореволюционного обществ, но она научилась критиковать и современное ей «социалистическое» общество. Оставалось искать нечто четвертое. Социалисты пытались приложить критические идеи основоположников марксизма-ленинизма или идеи оппозиционного ленинизму антиавторитарного социализма к окружающей действительности.

С социалистических позиций получалось, что если социализм в стране и построен, то уж во всяком случае «неправильный». Следующим шагом был поиск «первичной ошибки», которая привела к последующему «перерождению». Идея такой ошибки приводила некоторых представителей подпольных марксистско-ленинских кружков к выводу о том, что можно «начать сначала». Только нужно знать — как. Иначе можно вновь совершить «первичную ошибку».

Но даже если и не «начинать сначала», а пытаться вернуться на путь не искаженного социализма, необходимо понять, где произошло «отклонение» с этого пути. Наиболее очевидной точкой такого отклонения были «сталинские репрессии» либо (более широко) — сталинское правление. Например, в рамках подпольного марксистского кружка «Оргкомитет Всесоюзной рабочей марксистской партии» (1982—1986 гг.), в котором мне довелось участвовать, рассматривалась тема «сталинского переворота» в 1934—1937 гг. Через несколько лет эта же модель будет пропагандироваться средствами массовой информации, но так же неубедительно — экономическая модель современного советского общества была заложена до 1934 г., в период индустриализации и коллективизации.

Следующим шагом становился поиск альтернативы сталинизму в рамках большевизма — прежде всего в «линии» Н.Бухарина. Эта тема была хорошо разработана в «тамиздате» С.Козном и А.Авторхановым. Но «бухаринизм» пал под действием мощных социальных сил, выраставших из недр самой партии. Бухарин не оспаривал оправданность кровавой политики «красного террора». Все это заставляло задаться вопросом — а не лежит ли «первичная ошибка» в самом большевизме.

Категорическими противниками такой постановки вопроса были Р.Медведев и Р.Лерт. Р.Медведев писал: «В.И.Ленин весьма убедительно доказывал, что в условиях такой крестьянской, нищей, необразованной и многонациональной страны, как Россия, социалистическая революция может победить только как революция организованного и возглавляемого пролетариатом меньшинства»⁹³. Но возглавлялось ли это меньшинство пролетариатом? Чем тогда объяснить расстрелы рабочих демонстраций большевиками, антибольшевистские рабочие восстания на Урале в 1918 г. и рабочие волнения 1921 г.? Были ли рабочими вожди большевистской революции? И оправдывают ли интересы «революционного» меньшинства массовый террор — уничтожение тысяч и миллионов людей? Можно ли вывести сталинский террор из красного террора?

МЕДВЕДЕВ Рой Александрович

1925 года рождения. Отец — дивизионный комиссар и преподаватель Военно-политической академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии, был репрессирован в 1938 году.

В феврале 1943 года был призван в армию и после краткого пребывания в учебном полку под Кутаиси получил направление в военное училище, но не прошел комиссии как сын репрессированного. Был направлен в Артиллерийский арсенал Закавказского фронта в Тбилиси, где работал нормировщиком до 1945 года.

В 1946 поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который окончил в 1951 году, написав дипломную работу по теме «Особенности китайской революции».

В 1951—1954 годах был учителем средней школы в Свердловской области, по совместительству — директором вечерней школы-десятилетки. В 1954—1957 годах — директором семилетней школы в Ленинградской области. С 1954 года учился в заочной аспирантуре Московского государственного педагогического института им.Ленина (МГПИ). В 1958—1962 годах — редактор, заместитель главного редактора Государственного издательства по выпуску педагогической литературы (Учпедгиза). В 1961—1971 годах — старший научный сотрудник, заведующий сектором Научно-исследовательского института производственного обучения Академии педагогических наук СССР. Кандидат педагогических наук (тема диссертации: «Производственное обучение и производительный труд в городской сельской школе»). Доктор исторических наук, профессор.

В 1971—1989 годах — свободный ученый. Автор десятков книг, сотен статей в советской и иностранной прессе. Был членом КПСС в 1959—1969 и 1989—1991 годах.

С 1964 по 1970 год ежемесячно выпускал тиражом 20—40 экземпляров самиздатские материалы, которые распространялись в узком кругу знакомых, а в 1972 году вышли на Западе анонимно под названием «Политический дневник». В 1962—1968 годах написал книгу «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина, обращая основное внимание на его роль в массовых репрессиях. В 1969 году за эту книгу был исключен из КПСС.

Поддерживал дружеские связи со многими либерально настроенными представителями коммунистического научного и околонучного истеблишмента (А.Бовин, О.Лацис, Л.Карпинский, Ф.Бурлацкий, Г.Шахназаров и др.), семьями старых большевиков, пострадавших при Сталине, либеральными деятелями искусства и писателями (Ю.Любимов, круг журнала «Новый мир», В.Лакишин). Приобрел репутацию идеолога и лидера еврокоммунистического направления в движении инакомыслящей интеллигенции.

19 марта 1970 года Медведев вместе с А.Сахаровым и В.Турчиным опубликовал открытое письмо к руководству государства («Письмо руководителям партии и правительства»). Тема письма — взаимосвязь проблем демократизации и технико-экономического прогресса.

После опубликования на Западе книг «К суду истории» и «Социализм и демократия» (1971—1972), двух томов с избранными номерами его «Политического дневника» и ряда статей Медведев приобрел славу крупнейшего

советского независимого специалиста по вопросам внутренней и внешней политики СССР, стал объектом повышенного внимания корреспондентов западных газет, представленных в Москве, и завязал знакомства со многими из них, частично сохранившиеся и до настоящего времени.

В 1975—1976 годах был соредактором самиздатского журнала «XX век», 10 номеров которого вышло в СССР (2 номера были переизданы в Лондоне).

В 1971 и 1975 годах у него проводились обыски, изымался архив, неоднократно были вызовы на допросы в КГБ. Многие диссиденты пользовались каналами связи Медведева с зарубежьем для получения оттуда литературы и пересылки рукописей на Запад.

2 февраля 1979 года Медведев был выдвинут диссидентской инициативной группой «Выборы-79» кандидатом в Верховный Совет СССР, но кандидатура его не была зарегистрирована.

В 1988—1989 годах официальные газеты и журналы в большом количестве перепечатывали на своих страницах фрагменты из разных книг Медведева: «Они окружали Сталина», «К суду истории», «Н.С.Хрущев. Политическая биография», «Л.И.Брежнев. Набросок политического портрета». Также публиковались различные статьи Медведева, интервью с ним. В 1989 году он стал членом общественного совета историко-просветительского общества «Мемориал». В том же году был восстановлен в КПСС.

В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР, председатель комиссии по расследованию действий следственной группы Т.Гюляна и Н.Иванова. На XXVIII съезде был избран членом ЦК КПСС.

С 1991 г. сопредседатель Социалистической партии трудящихся⁹⁴.

Критикуя позицию Р.Медведева, оправдывающего массовый террор большевиков времен гражданской войны и осуждающий террор Сталина, И.Шафаревич ставит вопрос:

«Не в том ли здесь разница, что насилие во имя марксизма — вообще не насилие и поэтому не противоречит “принципиальным соображениям”? А причина та, что марксизм — это наука, и насилие во имя его — это просто эксперимент. Такую точку зрения Р.Медведев действительно высказывает. Один раздел в его работе так и называется: “МАРКСИЗМ, КАК И ВСЯКАЯ НАУКА, ИМЕЕТ ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ”. Подобно классическому силлогизму о смертности Кая, это утверждение расчленяется на два положения: 1) “Всякая наука имеет право на эксперимент” и 2) “Марксизм есть наука”. Вряд ли стоит опровергать первое положение: доказывать, что не только не ВСЯКАЯ, но НИКАКАЯ наука не имеет права на эксперимент, за который надо расплачиваться человеческой жизнью, тем более — миллионами жизней»⁹⁵.

И второе утверждение, по мнению Шафаревича, ложно. Марксизм — не научен, ибо предсказания «классиков» не оправдываются, а сам марксизм беспомощен в анализе обществ, возникших в результате «социалистических» революций. Особенно субъективно выглядят попытки марксиста Медведева объяснить социально-политические сдвиги 30-х гг.:

«Все объяснения, которые она (книга Медведева “К суду истории” — А.Ш.) предлагает для объяснения этой грандиозной драмы, в конечном

итоге ведут нас к личным свойствам и побуждениям Сталина, как будто автор взялся на этом примере опровергнуть классическое положение марксизма: "...как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать" (Энгельс. "Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии")»⁹⁶.

Логика Р.Медведева, однако, была несколько глубже. Он обращал внимание на то, что революция произошла в стране, не вполне к такой революции готовой (об этом писал и Ленин, признавая в конце жизни правоту меньшевиков в этом вопросе). Следовательно, неизбежны издержки, которые могут быть преодолены только по мере общего развития культуры как правящей элиты (отсюда — надежды Р.Медведева на новое поколение партийных функционеров, которые на короткое время оправдались), так и населения в целом. Рассуждая о книге Д.Оруэлла «1984», Медведев обращает внимание на то, что столкновение между тоталитарными и демократическими тенденциями выходит в новые сферы — прежде всего в информационную. С одной стороны — в самых разных странах разрабатываются средства манипулирования массовым сознанием, оставляющие далеко позади «телескрины», описанные в романе Оруэлла. С другой стороны, «самиздат начинает возрождаться на новой технической основе». *«И если "полиция мыслей" будет больше знать о каждом гражданине, то и больше граждан сможет лучше понять не только достоинства, но и недостатки современного государственного социализма. Это еще не демократия, но все это вместе взятое может, в конечном итоге, приблизить, а не отдалить тот демократический социализм, о котором мечтал Оруэлл»⁹⁷.*

Первоначально позиция Р.Медведева была близка к взглядам другого оппозиционно настроенного мыслителя — А.Сахарова, «вольномыслие» которого зародилось под влиянием Медведева. Однако затем Сахаров сближается с либеральными диссидентскими кругами. Результатом взаимодействия социалистического и либерального учений стала предложенная Сахаровым теория «конвергенции», близкая к социал-демократической доктрине и во многих отношениях превосхитившая программу Перестройки.

САХАРОВ Андрей Дмитриевич (1921—1989)

В 1938 г. поступил и в 1942 г. закончил (в эвакуации) физический факультет Московского университета. По воспоминаниям однокашника Сахарова Л.Белла, юный Андрей производил впечатлительное незащищенного, замкнутого в своем внутреннем мире человека. Это впечатление контрастировало с его позднейшим реноме бойца. Вероятно, здесь нет противоречия — Сахаров относился к тому типу людей, которым обширный внутренний мир (в данном случае мир фундаментальной науки) дает как независимость от внешнего мира, значительную самодостаточность, так и твердость в противостоянии внешним вызовам. С точки зрения обыденного взгляда это может выглядеть как непригодность, угловатость, непонятность. Или нестандартность, гениальность. Эти базовые психологические стереотипы гармонируют с периодами «им-

пульса» и «конфронтации», психологической фазой «человека идеологического», что заметно сказалось на биографии великого ученого.

В 1942—1945 гг. Сахаров — инженер-изобретатель. В 1945—1948 гг. — аспирант ФИАН. В 1948 г. включен в исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия, один из «отцов» термоядерной бомбы, один из инициаторов работ в области управляемой термоядерной реакции. С 1953 г. — академик. В науке того времени Сахаров, благодаря своему таланту, сумел пробиться в ту «нишу» советской иерархии, которая максимально соответствовала его склонностям. Либеральная обстановка научного коллектива, свободное интеллектуальное общение сильно отличалось от общей обстановки в стране. Власть была готова терпеть вольномыслие и либерализм физиков в обмен на качественную военную продукцию, тем более, что физики-ядерщики жили относительно изолированно от остального населения. Своего рода привилегированный «Круг первый». Став руководителем отдела, Сахаров превратил его в оплот либеральных отношений, максимально смягчив внутреннюю иерархию.

В то же время «иерархический» период его жизни не был вполне безоблачным. Академик все теснее соприкасался с социальной реальностью, существовавшей за пределами научно-номенклатурного райка. XX съезд КПСС спровоцировал у многих психологически зрелых «шестидесятников» идейные искания, которые приводили либо к переходу в «идейный» психологический период, либо в идейную стадию «иерархического» периода (что и произошло с предрасположенным к этой фазе Сахаровым). Эта стадия длилась в 1957—1964 гг. Сахаров защищал пострадавшего за неосторожные высказывания врача жены И. Баренблата, вступал в первые споры с членами Политбюро. Это не был еще идейный, мировоззренческий конфликт, но уже борьба за справедливость, уже правдоискательство.

«Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний таких людей, как А. Швейцер, Л. Полинг и некоторых других) я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях», — вспоминал Сахаров⁹⁸. С конца 50-х гг. Сахаров выступает за ограничение и прекращение ядерных испытаний. На этой почве с 1961 г. конфликтует с руководителями советского государства. Он — один из инициаторов договора 1963 г. о запрещении испытаний в трех средах.

В 1964 г. под влиянием книги Ж. Медведева о лысенковщине публично выступал против избрания лысенковца Н. Н. Нухдина членом АН. Этот незначительный на первый взгляд конфликт был первым конфликтом с властью на идейно-политической почве. И бой закончился победой — опасный для власти урок. Но уступки нового, брежневского руководства, легализовавшего генетику, позволило Сахарову на время «затихнуть», вновь заняться наукой. Первоначальные брежневские реформы, связанные с хозрасчетом, также могли казаться Сахарову разумными, новый политический стиль — прагматичным. Но эта «иерархическая нормализация» в развитии Сахарова была лишь затишьем.

В 1966 г. Сахаров участвовал в Комитете по проблеме Байкала, пытался убедить Брежнева отказаться от строительства целлюлозно-бумажного комбината на берегу озера. С 1966 г. осторожно выступает в защиту полит-

заклученных и против возрождения сталинизма. Наступает время интенсивного чтения запрещенной литературы, время политических обсуждений с коллегами, вызревания собственных политических взглядов. Сахаров неудержимо приближался к ощущению невозможности, недопустимости бездействия и политического молчания. Это был «синтез» «человека идейного». «Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева была первым произведением самиздата, которое я прочел. Я прочел также в 1967 году рукопись книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно вторая, произвели на меня очень сильное впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии»⁹⁹.

В 1968 г. академик Сахаров написал работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой фактически сформулировал программу первоначального этапа Перестройки:

«Я считаю, что в ходе углубления экономической реформы, усиления роли экономических рыночных факторов, при соблюдении необходимого условия усиления народного контроля над управляющей группировкой (это существенно и в капиталистических странах) все шероховатости нашего распределения будут благополучно и безболезненно ликвидированы. Еще большие и принципиально важна роль углубления экономической реформы для регулирования и стимулирования общественного производства методом правильного (рыночного) ценообразования, целесообразного направления и быстрого эффективного использования капиталовложений, правильного использования природных и людских ресурсов на основе соответствующей ренты в интересах нашего общества»¹⁰⁰.

Этот взгляд, пусть и не столь прямо выраженный, разделяли многие представители правящей элиты. Казалось, что сочетание элементов западной и восточной моделей окажется синтезом именно всего лучшего, а не худшего в них, что некоторый демократический контроль за элитой позволит преодолеть застой в карьере и сделает аппарат более эффективным.

Многие конкретные предложения А.Сахарова также были развиты официальной доктриной:

«1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества...

2. Проявлять инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом».

Однако некоторые предложения шли вразрез с «линией партии» и отражали интересы слоя специалистов:

«3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять “Закон о печати и информации”, преследующий целью не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе...

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие “права человека”.

5. *Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших место в последнее время политических процессов... Немедленно облегчить режим для политических заключенных.*

6. *Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма...*¹⁰¹.

Впоследствии Сахаров скромно оценивал эту свою работу: «Основные мысли, которые я пытался развить в “Размышлениях”, не являются очень новыми и оригинальными. В основном это компиляция либеральных, гуманистических и “наукokratических” идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное (“сырое”) по форме»¹⁰². Сахаров развивал свои взгляды в работах «Мир через полвека», «О стране и мире», «Мир, прогресс и права человека», «Тревога и надежда» и др. Более подробно была разработана политико-правовая программа, в которую Сахаров включил частичную денационализацию и деколлективизацию, требования многопартийности, свободы забастовок, права на отделение союзных республик, отмену служебных и партийных привилегий и др.¹⁰³.

Сахаров выстраивал свою программу не с позиции интересов какой-то одной цивилизации (западной либо российской), а с точки зрения глобальных процессов, происходящих в мире. Он выдвигает программу нового мирового порядка:

*«Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны “третьего мира” должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание на развитие материального производства, прекратить спекуляции нефтью»*¹⁰⁴.

Важнейшими мировыми проблемами ближайших десятилетий Сахаров считал рост населения, истощение ресурсов и нарушение природного равновесия, но, оставаясь в рамках технократического подхода, считал возможным решить эти проблемы прежде всего с помощью научно-технического прогресса. В результате сахаровская модель напоминает вариант гипертрофированного индустриального общества, описанный в работах западных фантастов середины XX века (см., например, серию А.Азимова о «Фонде»). Сахаров считал, что в гигантских индустриальных центрах будущего («рабочих территориях»), где люди будут проводить основную часть своего времени, «природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в “сверхгородах”, в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта — искусственным климатом, освещением, автоматизированными кухнями, голографическими стенами, пейзажами и т.п. Однако большую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую эти пригороды бу-

*дущего по образцу наиболее благоустроенных сейчас стран...»*¹⁰⁵ Здесь же будет расположено индустриализированное сельское хозяйство, энергетические установки (в том числе ядерные). Сахаров считал необходимым оставить вне хозяйственного использования огромные «заповедные территории», где жители «рабочих территорий» будут отдыхать некоторое время. Большое внимание ученый уделяет использованию безотходных технологий, информационных систем и вычислительной техники¹⁰⁶.

В футурологическом проекте Сахарова отразились сильнейшие противоречия переходного периода, который цивилизация переживала после 60-х гг. XX века. Ростки информационного общества пробивались сквозь толщу индустриальной цивилизации, и большинство футурологов «выписывали путевку в будущее» привычным им формам социальной организации, в том числе мегаполисам, индустриализации сельского хозяйства, широкому распространению ядерной энергетики. Сахаров не был здесь исключением и не стал допускать возможности изменения тенденций социального и технологического развития, которое обычно происходит в переходные эпохи.

Особенно ярко технократизм мышления Сахарова проявился в оценке им перспектив развития ядерной энергетики: «Очень трудно объяснить неспециалистам (хотя это именно так), что ядерный реактор электростанции — вовсе не атомная бомба... Развитие атомной энергетики шло с гораздо большим вниманием к вопросам безопасности и охраны среды, чем развитие таких отраслей, как металлургия и коксохимия, горное дело, химическая промышленность, угольные электростанции, современный транспорт, химизация сельского хозяйства. Поэтому сейчас положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и возможного влияния на среду обитания относительно благополучное, и ясны пути его дальнейшего улучшения»¹⁰⁷. Ученый пересмотрит свои взгляды на этот вопрос только после Чернобыльской катастрофы.

Будущее, которое рисует Сахаров, (равно как и всякое другое будущее для цивилизации) возможно только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Для этого необходимо сближение двух систем современной индустриальной цивилизации. Сахаров писал:

«Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

*Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования»*¹⁰⁸. В этих словах Сахарова, написанных в 1974 г. — вся стратегия реформ Горбачева.

А.Сахаров и его единомышленники не разделяли радикальной «западной» концепции, которая позволила И.Шафаревичу говорить о «русофобии». Академик был весьма категоричен в отношении таких взглядов:

«это “темные азиатские страны”, без демократических традиций, без привитого веками уважения к правам личности, к индивидууму. Для этих стран — для русских, для китайцев, для вьетнамцев — все, что происходит (террор, бесплоковщина, грязь в роддоме, нарушение свобод — я нарочно назвал разноплановые вещи), — якобы привычно и даже “прогрессивно”, они таким странным образом делают шаг вперед... Эти типичные леволиберальные аргументы (я их называю “славянофильством наоборот”) никак не оправданы историческим опытом...»¹⁰⁹

Любая форма экстремизма — коммунистического, националистического, либерального — претила Сахарову. Как одно из средств победы в руководстве страны «реалистов», способных провести реформы, академик предлагал многопартийность. Сам Сахаров, впрочем, никогда к «реалистам» не принадлежал. Его политика и философия были чужды духу прагматизма.

Преобладание естественных наук над гуманитарными в образовании Сахарова влекло за собой уязвимость его социальных построений. Он к тому же совершенно не имел ораторских способностей. Но этот человек обладал уникальной чертой, которая предопределила его судьбу и придала силу его идеям — Сахаров умел разрушать барьеры, которые ставили перед его мыслью социальная принадлежность, традиции, карьера.

Несмотря на свои обусловленные временем недостатки, «Размышления...» стали одним из важнейших манифестов оппозиционной мысли. Это была и важнейшая веха в судьбе самого Сахарова, импульсом, который привел к превращению его в «человека идейного» с последующим выходом из официальной иерархии СССР. После опубликования «Размышлений» на Западе Сахаров был отстранен от секретных работ и переведен в Физический институт Академии Наук. Руководство страны смущало не столько содержание работы Сахарова, сколько сам факт несанкционированной публикации политического манифеста.

В 1969—1970 г. формируется новый стиль жизни А.Сахарова — его отстраняют от секретных работ и переводят на работу в ФИАН, лишают номенклатурных привилегий. Но вольная натура Сахарова легко преодолевает эти «невзгоды» — естественную плату за освобождение от «иерархичности». Тяжелее было перенести смерть жены.

В 1970 г. Сахаров вошел в Комитет прав человека. В совместном с Р.Медведевым и В.Турчиным письме он пытался убедить советское руководство в том, что научно-технический прогресс невозможен без демократизации.

Первая половина 70-х гг. — новая «юность» в жизни Сахарова, на этот раз «юность» «человека идейного». Первые митинги, столкновения с милицией, недоумение властей — что делать с «сошедшим с ума» академиком, женитьба на Е.Боннэр. Во второй половине 70-х гг. жизнь лидера диссидентства становится более «иерархичной» — текучка правозащитной жизни, необходимость реагирования на любые события в стране и мире, более систематическое давление со стороны властей требуют четкой организации жизни. Общественная работа превращается в своего рода профессию. Но решающее столкновение с властью еще впереди.

В 1975 г. Сахаров был удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. В 1972—1979 гг., по данным КГБ, Сахаров провел 150 пресс-конференций, готовил материалы для 1200 передач иностранного радио¹¹⁰. В январе 1980 г. за выступление против войны в Афганистане был лишен всех правительственных наград и выслан в г. Горький.

В декабре 1986 г. вернулся в Москву, работал в физическом институте им. П.Лебедева. В 1989 г. — народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы¹¹¹.

Позиция А.Сахарова оказалась ближе всего (из участников идейно-политических дискуссий 60—70-х гг.) к будущей стратегии Перестройки. Иные концепции (консерватизм А.Солженицына, например) оказались востребованными в меньшей степени. Важное исключение составляет, пожалуй, теория самоуправления В.Белоцерковского, которая укладывается в концепцию конвергенции¹¹². Однако трудно утверждать, что труд Белоцерковского был концептуальным источником самоуправленческих экспериментов КПСС. Возможно, у них были общие теоретические источники.

Во многом благодаря позиции Сахарова и его теории «конвергенции» либералы и социалисты в оппозиционной среде не противостояли так, как «западники» (те же либералы) и «почвенники». «Белые» и «розовые» составляли единое Демократическое движение. А.Сахаров — один из крупнейших авторитетов в среде либералов — признавал большую роль социалистических идей в трансформации западного общества¹¹³. Лидер «Революционного коммунистического союза молодежи» А.Цурков крикнул на суде «Да здравствует демократическое движение»¹¹⁴. «Демократическим ли социализмом, либеральной ли демократией назовем вы или я то общество, к которому мы стремимся, но в этом обществе мысль, слово, личность должны быть свободны», — писала оппозиционная коммунистка Р.Лерт¹¹⁵.

Даже авторы, скептически относящиеся к идее «конвергенции», искали пути взаимодействия двух миров и двух идеологий. «Накануне — это капитализм, переставший быть “капитализмом”, и “социализм”, переставший быть «социализмом» не потому, что сблизились и того гляди сольются, а оттого, что ни тому, ни другому (ни третьему, ни четвертому...) не стать в одиночку миром — единственностью человечества; не стать — и не отказаться, не стать — и не поступиться: местом и заявкой, рефлексом и миром единственности, норовом и нравом ее», — писал М.Гефтер¹¹⁶. Это возвращение идеи мирного сосуществования будет позднее подхвачено М.Горбачевым, убеждавшим Запад в необходимости сохранить мир во всем его многообразии — с «капитализмом» и «социализмом». Как мир живой природы со всеми его чудесами и монстрами.

ГЕФТЕР Михаил Яковлевич (1918—1994)

В 1941 году окончил Московский государственный университет и ушел добровольцем на фронт. Служил в Отдельном истребительном батальоне Красной Пресни, в 8-м полку Московских рабочих 5-й Московской Коммунистической дивизии. 1945 г. — работал в Институте истории АН СССР. Кандидат

исторических наук (1953). Специалист по русской истории периода капитализма. В 1964 г. возглавил сектор методологии Института истории АН СССР. С 1965 г. ставил проблемы, связанные с культом личности, волюнтаризмом, цензурой, гласностью и демократией, в непосредственную сферу исторического исследования. Сотрудничал с журналом «Новый мир» под руководством А.Т.Твардовского.

В 1968 г. руководимый им сектор вошел в состав отдела общих проблем всемирно-исторического процесса Института всеобщей истории АН СССР, а в 1969 г. — прекратил существование, став неофициальным научным сообществом. До 1974 г. работал в секторе новой и новейшей истории (Запада) Института всеобщей истории АН СССР.

В феврале-октябре 1993 г. — член Президентского совета. Вышел в знак протеста после переворота 1993 г.

Состоял в КПСС, из партии вышел в 1982 г.

Награжден орденом Славы.

Автор ряда статей о развитии капитализма в начале XX в. и сборников «История и социология» (1964), «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969), «Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. Проблемы истории докапиталистических обществ» (1968), «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы» (1970). Многие его работы не публиковались. Вновь получил возможность печататься в годы перестройки¹¹⁷.

Относительная близость либерального и социалистического течений контрастирует с постоянными стычками между братьями Медведевыми и другими демократами. В.Буковский с присущей ему категоричностью пишет об этом: «Выдвинули Сахарова на Нобелевскую премию — Жорес Александрович уже в Норвегии, убеждает общественность, что нельзя дать премию мира создателю водородной бомбы. Разворачивается кампания в защиту арестованных хельсинкцев — Жорес Александрович в парижской газете объясняет, как вреден шум на западе для людей “там”. Приговорили Гинзбурга к восьми годам строго режима — Рой Александрович спешит с заявлением, какой плохой человек Гинзбург»¹¹⁸. Как видим, резкая критика Буковского касается не идеологии Медведевых (которая радикального либерала, разумеется, тоже не удовлетворяла), а тактики братьев. Не менее активно выступали против этой тактики и социалисты — в том числе и согласные с Р.Медведевым относительно вопросов, связанных с оценкой революции, социализма и т.п.

В 1978 г. Медведев критиковал Сахарова за то, что тот «окружил себя экстремистами» и «изолировался от академической интеллигенции», через которую мог бы оказывать воздействие на правящие круги¹¹⁹. Эти замечания были изложены в достаточно резкой форме, и были восприняты в качестве обвинений. Ответная реакция не заставила себя ждать, причем последовала она как раз со стороны социалистов — спор носил не идеологический, а этический характер. В ноябре 1978 г. П.Абовин-Егидес обвинил Р.Медведева в том, что он идет «от предложения “не давать легкомыслен-

ных поводов” к предложению вообще “не давать поводов” — а это, по существу, является предложением отказаться от борьбы...»¹²⁰. К выступлениям против Медведева присоединились Р.Лерт, М.Гефтер и др. Эта «гражданская война» в среде социалистов не имела прямого отношения к идеологии, но все же вытекала из нее. Р.Медведев считал, что возвращение системы на «правильный путь» возможно путем осторожной эволюции, без качественных скачков. «Реальный социализм» не был враждебен идеалам Медведева и лишь несколько «искажал» их. Либералы и большинство социалистов не принимали существовавшей в СССР системы в принципе. Для либералов она противоречила естеству человека, его стремлению к свободе. Для социалистов Абовина-Егидеса и Лерт социализм соответствовал естеству человека и его стремлению к свободе. Следовательно, то, что существовало в СССР, не было социализмом и с ним нужно было бороться не на жизнь, а на смерть. Но это означало и сомнительность теории «конвергенции» для социалистов, хотя и по другим причинам, нежели для радикальных либералов. Если для последних существовавший в СССР строй был тоталитарным и в принципе не совместимым с идеализированной ими западной системой¹²¹, то для социалистов смесь враждебного им «несоциализма» с не менее враждебным капитализмом была лишена всякой привлекательности. Нужно было искать что-то иное.

В конце 70-х гг. социалистическая и социал-демократическая мысль развивалась все более бурно. Выходил свободный московский журнал «Поиски», его авторы П.Абовин-Егидес, Р.Лерт, П.Пыжов (Г.Павловский), В.Абрамкин и др. с вниманием относились к социалистическим идеям.

АБОВИН-ЕГИДЕС Петр Маркович

1917 г. рождения. Воспитывался в детском доме. В 1941 г. окончил Московский институт философии, литературы, истории. Ушел добровольцем на фронт. В 1942—1948 гг. — в заключении. В 1948 г. — реабилитирован.

В 1948—1959 гг. — преподаватель педагогического училища. Затем — председатель колхоза, преподаватель философии на кафедрах философии институтов в Брянске, Иркутске, Ростове-на-Дону. В 1970 г. за выступление против ввода войск в Чехословакию и работы «Единственный выход» и «Основное противоречие социализма» арестован. До 1972 г. Находился в психлечебнице. В 1978—1980 — один из основателей и член редакции журнала «Поиски». В 1980 г. эмигрировал во Францию. Член Социалистической партии Франции. В 1989 г. ему возвращено советское гражданство. С 1995 г. — член Социалистической партии трудящихся. Избран в ее Высший Совет. В 1995 г. был членом инициативной группы движения «Нет» за голосование во втором туре выборов против обоих кандидатов. Автор книги «Самый нормальный человек в России. К практицизму Святослава Федорова от критицизма Александра Солженицина» (1996г.)

ПАВЛОВСКИЙ Глеб Олегович

1951 г. рождения. Окончил в 1973 году исторический факультет Одесского университета. До 1976 года работал учителем в школах Одессы. С 1976 по 1982 год работал столяром.

С 1972 года занимался распространением и изданием «самиздата». С 1978 по 1980 год — член редколлегии журнала «Поиски». С 1982 по 1985 год находился в ссылке за распространение «самиздата». На следствии давал показания на своих односельцев, от которых потом отказался на суде. С 1987 года — заместитель главного редактора журнала «Век XX и мир» (гл. редактор А.Беляев). Был членом Клуба социальных инициатив (1986—1988 гг.), клуба Перестройка (Москва) (1987—1988 гг.). С 1988 по сентябрь 1993 года — председатель совета директоров информационного агентства «Постфактум». С 1993 года — член редакционного совета «Общей газеты». С декабря 1993 года — главный редактор обновленного журнала «Век XX и мир»¹²². Руководитель Фонда эффективной политики, одного из «мозговых центров» администрации Президента РФ во второй половине 90-х гг.

В околодиссидентских кругах появились журналы социалистического направления — «Левый поворот» («Социализм и будущее») и «Варианты». Их издание было инициировано кружком знакомых, который сложился еще в университетские годы и с 1976 г. начал участвовать в нелегальной работе. В него входили А.Фадин, П.Кудюкин, М.Ривкин, В.Чернецкий, Ю.Хавкин, И.Кондрашев, затем присоединились Ю.Кагарлицкий, В.Прибыловский и др. Идеологический спектр изданий был относительно широк — от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. П.Кудюкин определяет свои взгляды того времени так: *«левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Для нас с Фадиным Западное общество не воспринималось как что-то изолированное, оно было тесно связано с Третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными “новыми левыми”. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному, насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику — индикативному планированию, экономической демократии, свободным профсоюзам, политической демократии в западном смысле и развитию прямой демократии на низовом уровне, возможности простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»*¹²³. Взгляды Ю.Кагарлицкого были несколько левее и могут быть определены как вариант еврокоммунизма. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей «Левого поворота»,

сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма. Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985—1989 гг. Но именно поэтому они представляли реальную опасность для монополии КПСС на власть и ее преобразование.

Особые опасения вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистичности, с надеждой всматривались в польский опыт, обсуждая возможности повторения подобных же событий в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации (несколько ранее Революционный коммунистический союз планировал проведение конференции левых групп¹²⁴). Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых» (см. Главу IX). Федерация социалистической общественных клубов будет создана только в 1987 г.

КУДЮКИН Павел Михайлович

1953 года рождения. В 1970 — 1971 годах работал столяром на Загорской фабрике игрушек. В 1976 году закончил исторический факультет МГУ. В 1976—1978 годах работал старшим лаборантом кафедры научного коммунизма во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК) и старшим лаборантом кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ. В 1978 году поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Занимался историей послефранкистской Испании. В 1981 году окончил аспирантуру и в 1981 — 1982 годах работал младшим научным сотрудником ИМЭМО.

Политической деятельностью стал заниматься во время учебы в университете. В 1973 году вместе со своими сокурсниками по историческому факультету МГУ И.Долуцким, А.Фадным и другими выпустил студенческую стенгазету сатирического содержания, за которую Долуцкий был исключен из комсомола и университета, а другие участники подверглись взысканиям по комсомольской и административной линии (так называемое «дело Долуцкого»). Был инициатором сбора подписей в защиту Долуцкого.

В 1977—1982 годах вместе с Андреем Фадным и Михаилом Ривкиным редактировал подпольный самиздатский альманах «Варианты», в котором публиковались авторы — сторонники «социализма с человеческим лицом» (вышло 4 номера), в 1979—1982 сотрудничал также в самиздатском журнале Б.Кагарлицкого «Левый поворот» («Социализм и будущее»).

В апреле 1982 был арестован по делу так называемых «молодых социалистов». В апреле 1983 г. освобожден.

Член Инициативной группы «Мемориал» со дня ее создания в августе 1987 года, избран в правление Историко-просветительского общества «Московский “Мемориал”». В 1987—1990 годах был активным участником клубов «Перестройка» и «Демократическая перестройка» (ДП), редактором самиздатского

журнала «Открытая зона», членом Совета клуба ДП. Член исполкома Социал-демократической ассоциации в 1990 г. В 1990—1993 гг. народный депутат Ленинградского районного совета Москвы. В 1990 году был одним из основателей Социал-демократической партии Российской Федерации, один из трех членов Президиума Правления СДПР.

В 1991—1993 гг. — заместитель министра труда.

Много лет спустя после событий 1982 г. Кудюкин сказал: «Я думаю, что люди, которые когда-то были “новыми левыми”, даже становясь правыми, сохраняют в себе нечто существенное от тех времен»¹²⁵.

КАГАРЛИЦКИЙ Борис Юльевич

1958 года рождения. Сын известного театроведа и литературоведа Юлия Кагарлицкого.

В 1975—1980 годах учился в Государственном институте театрального искусства им. А.В.Луначарского (ГИТИС), но накануне защиты диплома был исключен из института и защитил его только в 1988 году. Тема — социология культуры.

В 1980—1982 годах работал почтальоном, в 1983—1988 годах — лифтером, с 1989 по 1991 год — обозревателем агентства ИМА-пресс. В 1992—1994 гг. — обозреватель газеты профсоюзов «Солидарность», в 1993—1994 гг. работал также экспертом Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Старший научный сотрудник Института сравнительной политологии.

Политической деятельностью занимается с 1978 года, когда начал издавать самиздатский машинописный журнал «Левый поворот» (первый номер вышел в 1979 году, в 1980 году переименован в «Социализм и будущее»). В 1979 году, будучи студентом 5-го курса, стал кандидатом в члены КПСС, но в том же году КГБ стало известно о том, что он является издателем «Левого поворота», вследствие чего Кагарлицкий в начале 1980 года был исключен из кандидатов в члены партии и из ГИТИСа (с формулировкой «за антиобщественную деятельность»).

В начале апреля 1982 года был арестован по делу так называемых «молодых социалистов». После письменного обещания не заниматься более антисоветской деятельностью был освобожден в апреле 1983 г.

В 1986—1988 гг. — член Клуба социальных инициатив (КСИ). В 1988 г. член Оргкомитета (с 7 июля — Оргсовета) Московского народного фронта. В 1988—1990 гг. — член Координационного совета (КС) МНФ. В 1989—1990 гг. — член бюро Московского комитета новых социалистов. В начале 1990 года принял участие в формировании избирательного блока «Демократическая Россия» (ДР). В 1990—1993 гг. депутат Моссовета. В 1990—1992 гг. член исполкома Социалистической партии. В 1992—1994 гг. член совета московской организации Партии труда.

Автор книги «Диалектика надежды», фрагменты из которой (под псевдонимом В.Краснов) публиковались в начале 1980-х годов в эмигрантском журнале «Проблемы Восточной Европы» (полностью опубликована в 1989 году во Франции, в издательстве «Слово»). За изданную в Лондоне книгу «Мыслящий тростник» (на английском языке) в 1988 году получил Дойчеровскую премию. В

1990—1991 годах опубликовал в Лондоне (на английском языке) книги «Диалектика перемен» и «Прощай, перестройка», в Берлине (на немецком языке) — книгу «Квадратные колеса (Хроника демократического Моссовета)». «Прощай, перестройка» издана также на японском и турецком языках. В 1992 году издал в Москве книгу «Расколовшийся монолит» (на основе серии своих публицистических статей 1989—1991 годов), которая до русского издания выходила также на английском, немецком, шведском и финском языках¹²⁶.

ФАДИН Андрей Васильевич (1957—1997)

В 1976 г. закончил исторический факультет МГУ. В 1979—1982 гг. входил в подпольную группу, получившую условное название «Молодые социалисты», был соредактором самидатского журнала «Варианты». В 1987 г. был членом клуба «Перестройка». Редактировал журнал клуба «Открытая зона».

Член клуба «Демократическая Перестройка» в 1988—90 гг., «Московская трибуна» — с осени 1989 года. Работал в газете «Коммерсантъ». С 1995 — обозреватель еженедельника «Общая газета»¹²⁷.

Постепенный отход социалистов от классических марксистско-ленинских образцов вел часть из них (прежде всего молодежь, не прошедшую в своем развитии длительного периода догматического марксизма-ленинизма) в сторону антиавторитарного социализма, отрицавшего как ленинизм, так и умеренную социал-демократию. На горизонте этого течения забрезжили идеи самоуправленческого социализма, опыт студентов «Красного мая» в Париже, творцов «Пражской весны», идеологов польской «Солидарности». Появляется группа с характерным названием «Марксистская общественная группа 68—80». В 1979 г. властям удалось разоблачить и анархо-коммунистическую группу, доказав тем самым, что в СССР существует, пожалуй, полный спектр идейно-политических направлений (анархисты-одиночки существовали в это время в Иркутске, Черкассах и др. местах). В декабре перед судом предстала первая из известных с 30-х гг. группа анархистов «Союз революционных коммунаров» (рабочий В. Михайлов, художник А. Стасевич и студентка А. Кончева). Коммунары выступали против государства, частной собственности и семьи, жили коммуной, распространяли листовки с изложением своих взглядов и рисовали на стенах лозунги «Демократия — не демагогия!», «Долой госкапитализм!» На суде участники группы, обвиненные в хулиганстве, заявили о своей солидарности с выступлением парижских студентов 1968 г.¹²⁸

В 1981 г. в Ленинграде состоялась даже анархическая конференция с демонстрацией. Рассказывает участник событий М. Гончарок: «В конце 70-х годов маленькая группа ленинградских старшеклассников решила объединиться, дабы нести в народ свет идей абсолютной свободы. С народом ничего не вышло с самого начала — у широких масс знание основ анархизма ограничивалось распеванием в нетрезвом виде двух первых строчек популярной песни “Цыпленок жареный”. Пришлось законспирироваться и разрабатывать программу. Перспективы мировой революции быстро отпали сами собой»¹²⁹. Этот этап развития группы был довольно типичен. Но присутствова-

ли и особенности: «Поскольку идеологами кружка были, само собой, евреи, как-то автоматически встал вопрос о борьбе с антисемитизмом в СССР»¹³⁰.

Вскоре участники группы сумели установить контакт со школьниками-анархистами из других городов и организовали левачскую конференцию: «Приехали товарищи из Риги и Харькова, привезли большое количество спиртных напитков и скверные ксерокопии программ своих кружков. Резолюция новорожденного движения анархистов России должна была быть зачитана после митинга на канале Грибоедова, который состоялся в связи со столетием уничтожения народовольцами Александра II.

Митинг, на который не были приглашены подозреваемые провокаторы, прошел с большим подъемом. Длинноволосая девушка в вязаной кофте до колен — представительница питерских хиппи — воющим голосом зачитала свои стихи, в которых упоминались цветы, растущие из стволов автоматов, а также воспевалась любовь Перовской к Желябову. Толстяк из Харькова огласил решение украинских товарищей немедленно приступить к террору против большевиков. В зачитанной резолюции упоминались Бакунин, Лев Толстой, Фанни Каплан и Кон-Бендит. Отдельным пунктом было внесено требование о свободе для узников Сиона, томящихся в советских тюрьмах, и поддержке «борьбы свободолюбивых израильских киббуцников против арабского империализма». Последний пункт резолюции был внесен не евреями!»¹³¹. То ли КГБ «проспало» демонстрацию, то ли информаторы просто не разобрались, что молодежь не просто отдает дань романтизму в рамках школьной программы (народовольцы входили в революционный пантеон), то ли, что наиболее вероятно, решили — само пройдет. Участники конференции разъехались. Но не прошло: «Далее, революционеры снарядили экспедицию на Синявинские болота с целью поиска более или менее сохранившегося оружия, оставшегося с Великой Отечественной. Оружие предполагалось реставрировать по мере возможности. И оружия на знаменитом Невском пятачке, действительно, было найдено множество! Местное население из совхозов в районе Синявина в поисках заржавленных пистолетов и “шмайссеров” принимало самое активное участие.

— Ребята, чего ищете?

— Оружие.

— А... Для чего?

— Для борьбы с коммунистами, товарищ. За свободу.

— О-о... Свобода. Это такое дело: за свободу, браток, и спину погорбать можно.

И — помогали копать»¹³².

Судя по дальнейшим событиям, этот эпизод прошел мимо внимания органов. Но весной 1984 года участники группы были арестованы. КГБ не стало доводить дело до процесса. После такого опыта участники группы более не возвращались к попыткам возродить анархистское движение в России.

К анархизму и другим оппозиционным КПСС социалистическим течениям склонялись и лидеры Российского коммунистического союза молодежи, издававшие журнал «Перспективы». В первом номере журнала были

помещены отрывки из книг М.Бакунина, П.Кропоткина, Г.Маркузе, Л.Троцкого, статья Д.Кон-Бендита «Гошизм как средство против старческого маразма коммунизма», материалы о Кронштадтском восстании, дискуссионные материалы («о текущем моменте») ¹³³. Тематика «Перспектив» очень напоминает материалы анархистских и левосоциалистических изданий, которые появятся несколько лет спустя.

Осколки Неокоммунистической партии Советского Союза, ядро которой было разгромлено в 1975 г., также продолжали во второй половине 70-х гг. изучение и распространение альтернативных социалистических и контр-культурных идей ¹³⁴.

Антиавторитарная социалистическая мысль еще проходила этап ученичества, знакомясь с трудами предшественников. КГБ пресекала такие поиски, и почти каждому кружку приходилось проделывать этот путь сначала. Подпольные оппозиционные мыслители, изолированные от «самиздата» и «тамиздата», могли вести свои изыскания, опираясь, в основном, на отечественные источники информации (сюда, впрочем, входила и полусекретная литература, доступ к которой для гуманитарной интеллигенции был не очень затруднен). Естественно, что свою эволюцию новое поколение начинало с марксизма. Марксистская (чаще марксистско-ленинская) оппозиция страдала множеством иллюзий, которые навевала официальная версия истории революционного движения. Подпольные кружки, состоящие из нескольких единомышленников, стремились понять причины поразившего страну кризиса и перерождения революционных институтов, принять научную марксистскую программу, способную исправить положение, покрыть всю страну подпольной сетью своих филиалов, после чего и совершить революцию, как сделали это по официальной версии Ленин с его партией.

Естественно, что подобная модель революционной тактики приводила к тому, что марксистские кружки были заняты, в основном, внутренними дискуссиями. Если от решения, принятого в кружке, зависит судьба страны, то необходимо сначала детально проработать программу, чтобы потом не наделать ошибок, производя революцию. Споры велись так, будто революционеры уже стоят во главе государства. Любое разногласие могло привести к расколу. Эгоцентризм подпольных кружков порождал централизм и нетерпимость к плюрализму. Поиск себе подобных при такой картине мира был не нужен. В итоге марксистско-ленинские кружки занимались самоедством вплоть до Перестройки, когда они смогли легализоваться и продолжить идейную эволюцию в обстановке свободной дискуссии с другими формированиями.

Но нередко случалось, что внутренняя дискуссия приводила к ломке марксистско-ленинских стереотипов, после чего группа, как правило, эволюционировала к неортодоксальным социалистическим концепциям.

В качестве примера подробно остановимся на развитии небольшой группы юных социалистов, которая во второй половине 80-х гг. вырастет в неонародническое движение за «общинный социализм». В первой половине 80-х гг. в Москве существовал небольшой подпольный марксистский кружок, в 1985 г.

названный Организационным комитетом Всесоюзной рабочей марксистской партии (ОК ВРМП). Кружок возник в мае 1980 г. Его лидеры Н.Кузнецов и А.Василивецкий пришли к выводу, что в СССР существует «государственный капитализм». Строгой идейной ориентации кружка первоначально не было¹³⁵. По мере уточнения взглядов участников кружок принял марксистскую ориентацию (при этом Н.Кузнецов вскоре стал плехановцем и антиленинцем). В 1982—1984 гг. к кружку присоединились студенты Московского педагогического института В.Губарев и А.Исаев. Члены группы вели пропаганду в школах, институте, воинской части, на ЗИЛе.

ВАСИЛИВЕЦКИЙ Алексей Александрович

1965 г. рождения. В 1987 г. закончил Московский государственный педагогический институт им. Ленина. В 1987—1989 гг. работал учителем.

В 1980—1986 гг. участвовал в работе подпольного марксистского кружка. В 1987—1989 гг. входил в клуб «Община». С 1989 г. — обозреватель ИМА-пресс¹³⁶.

ИСАЕВ Андрей Константинович

1964 года рождения. В 1989 году закончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина. Преподавал в школе. Кандидат психологических наук.

В институте участвовал в подпольной студенческой группе «Оргкомитет Всесоюзной рабочей марксистской партии» (ВРМП). Один из основателей и идеологов историко-политического клуба «Община», который возник в мае 1987 года и стал одной из первых московских неформальных групп новой волны.

Был одним из редакторов журнала «Община», одним из лидеров Федерации социалистических организаций и клубов (1988 г.), Конфедерации анархосиндикалистов (1989—1991 гг.).

В 1991—2000 гг. Исаев — главный редактор газеты «Солидарность». С 1995 г. — секретарь Федерации независимых профсоюзов России, руководит идеологической работой профсоюзов. В 1999 г. был депутатом Государственной Думы по списку «Отечество вся Россия».

Автор книг «Демократический социализм — будущее России» (в соавторстве с А.Шубиным), «Экономическая демократия — идеология профсоюзов» (1996); «Экономическая демократия в современной России» (2000 г.)¹³⁷.

После возвращения из армии Исаев под влиянием Н.Кузнецова на некоторое время увлекся Плехановым (не в ущерб авторитету Ленина). Одновременно он размышлял над проблемой бюрократизации рабочего движения, когда реальная власть от имени рабочих переходит в руки вождей. Исаев считал необходимым периодическое свержение вождей в пролетарской партии. Но как избежать при этом расколов и распада организации? Ответ пришел с неожиданной стороны — обучаясь на историческом факультете, Исаев взялся готовить доклад о С.Нечаеве, и «задел» тему бакунизма. Первое же знакомство с работами М.Бакунина показало, что этот теоретик ре-

шал как раз те проблемы, которые стояли перед Исаевым. По мере изучения бакунинских работ (начиная с фрагментов «Государственности и анархии», опубликованной в сборнике «Утопический социализм в России»), и конечая собранием сочинений, выпущенным анархистами в 20-е гг.) Исаев все яснее осознавал себя бакунистом. Первое время это не мешало считать себя также марксистом и ленинцем (К.Маркс, В.Ленин и М.Бакунин имели некоторые общие идеи).

Возвращение А.Исаева спровоцировало острую дискуссию в ОК ВРМП, которая велась вокруг вопроса: «Могут ли рабочие контролировать государственный центр?» (имелось в виду общество будущего).

А.Исаев привлек к этому спору своего только что вернувшегося из армии однокурсника А.Шубина. Прежде Шубин ни в каких оппозиционных группах не участвовал и представлял собой тип потенциального академического ученого. Его однокурсники — участники ОК ВРМП первоначально не верили в возможность его привлечения к оппозиционной активности. Однако научные поиски А.Шубина именно в это время сделали из него оппозиционера-одиночку, который жадно искал «братьев по разуму».

ШУБИН Александр Владленович

1965 года рождения. Учился в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина (ныне — Педагогический государственный университет) в 1982—1983 годах и 1985—1989 годах с перерывом на период службы в армии. Историк. С 1989 года сотрудник Института Всеобщей истории. Кандидат исторических наук. С сентября 1991 года — обозреватель газеты московских профсоюзов «Солидарность».

Один из основателей клуба «Община» (1987 г.). С марта 1988 года член редакции и один из ведущих авторов журнала «Община», ставшего позднее ведущим анархо-синдикалистским изданием. Один из лидеров Федерации социалистических общественных клубов (ФСОК) в 1988 г., один из организаторов массовых манифестаций 1988—1989 гг. Один из лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов в 1989—1991 гг. Сопредседатель Российской партии Зеленых в 1991—1999 гг. В 1990—1991 годах — член Совета представителей Конфедерации труда. С августа 1992 года член Социально-экологического союза (СоЭС). В 1997—1998 гг. советник Б.Немцова. С 1998 г. — председатель попечительского совета «Общины Китеж».

Автор книг «Гармония истории», «Ритмы истории», «Истоки перестройки», «Махно и махновское движение», «Анархистский социальный эксперимент», «Демократический социализм — будущее России» (в соавторстве с А.Исаевым)¹³⁸.

В армии Шубин пришел к выводу о том, что для преодоления гипертрофии бюрократии в советском обществе необходимо разделение КПСС и создание двухпартийной системы.

Несколько позднее из армии вернулся еще один будущий участник кружка В.Гурболиков (1965 г. рождения). В.Гурболиков придерживался марксистско-ленинских взглядов, но с интересом относился к восточной

культуре и религиозным поискам таких мыслителей, как Л.Толстой и Л.Андреев. К тому же он побывал в Северной Корее, и потому был «кладзем» информации о крайних проявлениях марксистской практики. «В армии у меня составилось четкое представление о том, что то, как строится общество здесь — это совершенно неправильно. Что-то нарушено»¹³⁹. Как мы видели, подобный же «декабристский эффект» — осознание неприемлемости Системы во время службы в армии был характерен и для других участников группы. Разумеется, не все люди приходили в оппозицию через армию, и не все, кто проходили военную службу, обязательно делали социальные выводы из тягот и несуразностей армейской жизни, но во всяком случае армия в 80-е гг. очень способствовала созреванию «революционеров».

В.Гурболик прекрасно играл на гитаре и пел. Его пение было украшением студенческих посиделок, на которых «подпольщики» осторожно пропагандировали оппозиционные идеи. Песни, под стать идеям, тоже были «подрывными» — из диссидентского «цикла» Б.Окудажавы, «из времен гражданской войны», из КСПшного репертуара. Кружок был весьма притягательным как место духовного общения студентов и критического обсуждения советской действительности.

А.Исаев нашел в А.Шубине и В.Гурболикове благодатный объект агитации, быстро разрушив многопартийные иллюзии (две партии также будут бюрократическими). Для того, чтобы начать разговор на «запретные темы», годился любой повод, любая тема, обсуждавшаяся на занятиях. «Как я “вовлекал” Шубина в подпольную работу? Шубин начал “вовлекаться” сам. У нас разгорелась дискуссия о “Государстве и революции” Ленина. Мы шли по улице, и на какое-то мое замечание о “Государстве и революции” Шубин ответил: “Ну, “Государство и революцию” вообще можно воспринимать как антисоветское произведение”. На что я подумал: “Ого, чувак мыслит в нужном направлении. Нужно продолжать вести с ним разъяснительную работу”. После чего мы разговаривали где-то две недели, в основном на станции метро. После чего я сказал ему, что есть такая подпольная организация. Но Шубина тогда волновала не столько организационная форма, сколько теоретическая дискуссия»¹⁴⁰.

В.Гурболик вернулся из армии несколько позднее. «Володя пригласил нас сам к себе домой после моего доклада о баптистах, потом приглашал несколько раз. В конце концов мы даже заподозрили, а не является ли он агентом КГБ, и потребовали, чтобы он дал честное слово, что таковым не является. Он категорически отказался, чем вызвал новые подозрения. Но потом мы решили, что Володя — не “гебист”. КГБшники, по нашему мнению, дают слово, не моргнув глазом»¹⁴¹. «Я тогда посчитал, что давать такое слово — ниже моего достоинства»¹⁴², — добавляет Владимир. Разговоры о КГБ не были шуткой или игрой. Все воспринималось достаточно серьезно. В.Гурболик вспоминает, что после того, как недоразумение выяснилось, друзья обсуждали перспективы своей подпольной работы и пришли к выводу о том, что скорее всего придется «пострадать за правду»: «Речь шла о красном терроре, о психиатрических репрессиях и о том, что может быть за

то, чем мы занимаемся, даже за эти разговоры и чтение этих книжек. Они ушли, а я мыл на кухне посуду и ясно понял, что все очень серьезно, и что отступить некуда, что никуда уже не деться. Ощущение некоторой безысходности»¹⁴³.

В ноябре 1985 — июле 1986 г. приятели находились в состоянии ежедневных многочасовых споров. Этому способствовало то, что Исаев и Шубин устроились работать в ночную смену на телевизионный завод «Темп», где можно было спорить ночи напролет. Проанализировав отечественное общество, друзья пришли к выводу о том, что оно не является социалистическим и советским, что в нем присутствует эксплуатация, и эксплуататорским классом является бюрократия. Впоследствии была создана соответствующая формационная теория, рассматривавшая роль бюрократии с древнейших времен.

Естественно, встал вопрос об альтернативе бюрократической диктатуре. Юные теоретики оставались сторонниками социализма, то есть посткапиталистического общества. В тот период подпольные мыслители социалистического направления часто обращались к опыту революции в поисках «первичной ошибки», которая привела к отклонению общественного развития от «правильного пути» и последующему перерождению революционной партии. Спор в ОК ВРМП оказался весьма кстати. Исаев показал Шубину текст одного из участников дискуссии, в котором утверждалось: «Если управители начнут зарываться, то вооруженные рабочие дадут им по ушам». А.Шубин написал статью «К вопросу об ушах». В этот период подпольные теоретики еще искали пункт перерождения революционеров где-то после 1917 г., лишь постепенно выздоравливая от иллюзий, которыми общество будет болеть несколько лет спустя. Отдавая дань этому антисталинизму, А.Шубин писал: «В ходе контрреволюционного (и совершенно закономерного) переворота 1923—1938 гг. принципы бюрократизма укрепились настолько, что дальнейшее “битье по ушам” 1953, 1957, 1964 гг. имело лишь один результат — всем стало очевидно, что сколько по ушам ни бей, они все равно вылезут.

На первый взгляд этот экскурс не имеет отношения к т.(очке) зр.(ения) тов. Неизвестного: там же речь идет о вооруженных рабочих. Но этой грозной силе, если она последует по указанному тов. Неизвестным пути, придется контролировать гигантский склад, в который все ввозится, и все, что не сгнило и не растащили, распределяется. Тонкие и неимоверно сложные правила его функционирования знают лишь бюрократы, только этим и занимающиеся. Чтобы контролировать их, вооруженным рабочим придется выделить из своей среды тех, кто только тем и будет заниматься. Вскоре в их сторону из склада потянется им одним ведомая тропинка, и они сольются с классом-собственником. Об этом красноречиво свидетельствует опыт 1920—1929 гг.»¹⁴⁴

В декабре 1985 г. началась выработка альтернативной модели социализма. В основе концепции лежала идея самоуправления. А.Исаев и А.Шубин пришли к выводу, что права трудящихся не должны опосредоваться ни бюрократией, ни буржуазией. Поскольку производство осуществляется кол-

лективно, то и распоряжаться предприятиями должны коллективы (общины) трудящихся. Низовой ячейкой территориальной самоорганизации должна была стать община жителей, начиная с собрания жителей дома. Эта идея вытекала из нескольких источников. Большое влияние на Исаева и Шубина оказали «Ранние экономико-философские рукописи» К.Маркса. Критика «отчуждения» была развита Исаевым при участии Шубина в концепцию преодоления отчуждения в самоуправляющемся коллективе. Шубин, в свою очередь, обратил внимание на идею самоуправления в армии под влиянием официальной пропаганды¹⁴⁵.

Направление теоретических изысканий студентов истфака во многом зависело от учебной программы. К каким бы занятиям они ни готовились, в центре внимания были возможности самоуправления и преодоления бюрократизма (позднее — и этатизма). В центре внимания оставалась не только история, но и педагогика. Студентам повезло с преподавателем педагогики — Н.М.Магомедовым, который устраивал экскурсии в различные «экспериментальные» школы и обсуждал на семинарах социальные темы. «Еще Николай Михайлович любил ставить острые задачи. Он послал нас изучать религиозный детей. Я тогда попал в молитвенный дом к баптистам и сделал на этот счет несколько сообщений, — вспоминает А.Исаев об осени 1985 г. А потом мы ходили в “интересную” школу на Бронной. Там были бассейны, столы с подогревом, УПК в Государственном радиокомитете и КБ. Мы “напоролись” на то, что большая часть детей была из привилегированных семей. Мы предложили Д.Олейникову сделать доклад об элитарной школе и использовали его обсуждение для постановки вопроса о неравенстве в нашем “социалистическом” обществе»¹⁴⁶. Впоследствии педагогическая работа станет одним из направлений революционной пропаганды движения «общинных социалистов».

Микросреда описанного студенческого кружка была довольно типичной для подполья этого времени — ощущение духовного братства, судьбоносности теоретических решений, жажда запретной информации и осторожная подготовка к действиям. Такие кружки были оптимальной формой перехода к «идейной» стадии развития молодого человека. Кружки предоставляли относительную безопасность (КГБ в это время не вело тотальной охоты за подпольщиками), становились теоретической лабораторией и первым политическим практикумом. Но долго сидеть без общественного действия люди идеи не смогли бы. Выработав идеологию, они искали любую возможность применить ее на практике. Если бы не последующее политическое потепление, вероятнее всего участники кружков с теми или иными особенностями повторили бы судьбу «шестидесятников». Но им повезло, и во второй половине 80-х гг. перед ними стали открываться более широкие политические возможности.

Дискуссия в ОК ВРМП и среди студентов истфака о роли бюрократии при социализме, начавшаяся в 1985 г. и вовлекавшая (при неведении преподавателей) все новых студентов исторического факультета Московского педагогического института им. Ленина, велась параллельно с подобной же дискуссией о социализме, начавшейся годом ранее в кругах, близких к издате-

лям «Левого поворота», вышедших в большинстве своем на свободу в 1983 г. Антиавторитарный социализм прорастал из двух корней (подобные процессы шли тогда же в Ленинграде, Иркутске, Харькове и др. городах).

Уже в 1984 г. возобновилась регулярная циркуляция теоретических материалов в кругу бывших издателей журнала «Левый поворот» и их друзей. «Молодые социалисты» продолжали анализ общества, сложившегося в СССР и поиск путей его преодоления. По мнению сторонников концепции М.Джиласа и М.Восленского, работы которых циркулировали в самиздате, в СССР победил «Новый класс», а автор безымянной статьи «Анатомия бюрократии» (впервые опубликована еще в «Левом повороте», но позднее циркулировала самостоятельно) считает, что бюрократия, ставшая правящим классом СССР, «древнее пирамид и Колизея»¹⁴⁷. Другой автор, работа которого посвящена проблеме легитимизации советского режима и возникновению культа Сталина, утверждал, вслед за Троцким, что бюрократизация — это «буржуазное перерождение рабочего государства»¹⁴⁸. Автор статьи «И зачем им это надо?» высказывает сомнения по поводу того, что бюрократия является классом: «Она явно обладает рядом черт правящего класса, но некоторых черт лишена. Например, партийные должности, как правило, не передаются по наследству». Но сам же добавляет, что «Маркс, Ленин, Бухарин далеко не всегда связывали понятие “класс” с формальным правом собственности» и предлагает использовать в отношении бюрократии понятие «классовая общность», дабы подчеркнуть ее отличие от «традиционных классов»¹⁴⁹. Из этих теоретических рассуждений следуют довольно радикальные выводы: *«От коммунизма остались только “слова, слова, слова”... Классовый интерес бюрократии — сохранять систему в целости, а по возможности и расширять ее, вовлекая новые страны. Классовый интерес бюрократии — не допускать никаких реформ... Единственная возможность добиться их — борьба самих трудящихся»*¹⁵⁰.

Одной из важнейших стратегических проблем для социалистов было понимание того, что, собственно, считать социализмом. Построенный в СССР строй признавать таковым не представлялось возможным — слишком разительно отличалось построенное от заветов «классиков», слишком очевиден был для инакомыслящих кризис общественной системы. Но и у «классиков» не было четких и недвусмысленных определений социализма. Разобрав различные его критерии, автор статьи «Социализация», циркулировавшей в оппозиционной среде, предлагает именно это понятие положить в основу понимания социализма. Под «социализацией» (то есть обобществлением) автор понимает «демократическую национализацию», то есть переход предприятий в распоряжение демократического государства и органов производственного самоуправления. *«Социализация неотделима от того, что Н.И.Бухарин назвал экономической демократией. Критерий социализма был найден в 20-е гг., но не был оценен по достоинству... Так мы неизбежно приходим к выводу, что социализм есть распространение демократии — власти большинства посредством соответствующих институтов при гарантии прав меньшинства — на сферу экономики. Это означает и развитие, упрочение партийной демократии, свободной дискуссии, много-*

*партийности, культурного плюрализма. Правы те, кто провозглашает: СОЦИАЛИЗМ — ЭТО СВОБОДА*¹⁵¹. Возвращение к пониманию социализма как антиавторитарного общества (а именно так он понимался большинством социалистов в XIX в.) означало непризнание того строя, который возник в СССР, социализмом. Из текста видно, что представители бухаринской тенденции социалистического движения предполагали переход к демократической модели социализма через структуры существующей правящей партии. Но социализация не является универсальным «ключиком» к советским проблемам. По мнению автора безымянной статьи, продолжавшей тему «Социализации», «обобществление не обязательно несет свободу, но свобода невозможна без обобществления»¹⁵². Иными словами, социализм возможен лишь как синтез свободы и обобществления. Причем иной возможности достичь социальной свободы не существует — при капитализме она невозможна. Социализм (и, по марксистской терминологии, коммунизм) — это распространение демократии на все уровни общества — от фабрики до мирового порядка.

Социалисты-подпольщики обсуждали черты социализма, разительно отличающегося от «реального социализма», и рисковали при этом свободой. А в открытой печати уже можно было ознакомиться с обсуждением темы кризисов, возникающих при коммунизме. Фантастические повести братьев Аркадия и Бориса Стругацких показывали опасность авторитарных механизмов при коммунизме и пути их преодоления. Антиавторитарная социалистическая мысль исследовала проблемы далекого будущего — настолько далекого, что власть даже не видела в этом «подвоха». Но проблемы были вечными, и трагедия жертвы «Комкона», «жука в муравейнике» Л.Абалкина («по случайности» — однофамильца нетрадиционно мыслящего экономиста) наводила на мысль об опасности секретных служб XX века. В то же время авторов волнует проблема, до которой «не дошли руки у классиков» (что в некоторой степени обесмыслило марксистские труды): «в чем цель и смысл коммунизма?» И братья приступают к ее решению, формулируя устами своего героя А.Бромберга: *«Любой разум... в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разъединения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально возможного при сохранении индивидуальности объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение постижимым). Он хорошо изучен и представляет здесь для нас интерес постольку, поскольку приводит нас к вопросу: а что дальше?... Синтез разумов неизбежен»* («Волны гасят ветер»).

Пока мысль одних авторов первой половины 80-х гг. XX века витала в космических высотах будущего, определявшего во многом смысл времени, вынесшего приговор коммунистическому режиму, другие авторы продолжали понемногу сдвигать общественное сознание к новому периоду истории страны.